

Ольга Павлова. Рассказ «Гришка»

Аннушка работала больничным клоуном. Раз в неделю она с другими волонтерами приезжала в больницу и развлекала тяжело больных детей, которые жили там месяцами. Играла с ними, разучивала смешные стихи, и детишки, всей душой привязавшись к ней, с нетерпением ждали свою Ньюшу, как она им представилась.

Родители и врачи не всех детей отпускали играть с клоунами: многим ребятам было запрещено волноваться, испытывать сильные, пусть даже радостные эмоции, потому что болезни могли дать осложнения.

В ноябре больных, к счастью, было совсем мало. Вот и в этот раз в игровую комнату пришли всего пятеро. Среди них, как всегда, был Гришка – худенький и бледный мальчик лет десяти на вид. Он не мог играть в подвижные игры, потому что вынужден был всегда таскать за собой железную стойку с капельницей, из которой по капельке струилась в его слабенький организм жизнь. Гришка называл стойку «жирафом» и повязывал на нее свой желтый в клетку шарф, наверное, чтобы «жираф» не простудился. Мальчишка всегда держался в стороне и никогда не смеялся. Старшая медсестра, горестно вздохнув, так и сказала Ньюше однажды: «Вон тот играть с вами вряд ли будет, и не старайтесь его развеселить. Семи пядей во лбу мальчишка, и было бы здорово, если бы он тоже радовался, но Гришенька как-то сам по себе. Будет просто со стороны наблюдать».

Потому Ньюша и удивилась, когда мальчик в перерыве между играми подошел к ней и попросил выйти с ним ненадолго в коридор – «что-то важное узнать».

Они вышли из игровой, прикрыв за собой дверь, и встали у окна.

— Ньюша, тебе не страшно?

— А чего мне бояться?

— Что ты однажды придешь, а меня не будет с детьми.

— Значит, я пойду в твою палату искать тебя!

— И в палате меня тоже не будет.

— Тогда я пойду искать тебя к большому окну у столовой, где ты любишь стоять.

— И у окна не будет. И в другой игровой комнате не будет. Ты не боишься, что однажды ты придешь, а меня насовсем нет?

— Значит, я буду знать, что тебя выписали...

— С жирафом, — Гришка кивнул на стойку с капельницей, — уже не выпишут.

Гришка смотрел на Ньюшу не мигая, и она, не в силах выдержать взгляда этих ждущих только честного ответа глаз, попятилась к окну, села на подоконник и, легонько притянув мальчика к себе, осторожно обняла его.

— Гриш...

В пустом прохладном коридоре они были одни, и свет остывающего, слабеющего ноябрьского солнца проникал в коридор лишь на пару метров. Ньюша представила: если бы вдруг здание больницы разрезали надвое, то в самой середине получившегося среза все люди увидели бы их – Ньюшу, Гришку и жирафа, спасающихся от длинного коридора темноты в сужающемся солнечном луче. И Ньюша вдруг поняла: и солнце вот-вот уйдет, и она вот-вот уйдет, и все люди уйдут, а Гришка останется. Один на один с подкрадывающейся к его худеньким плечикам страшной тьмой.

И тогда Ньюша начала говорить твердо и громко, чтобы ее голос был слышен даже в самом дальнем и самом темном углу коридора:

— Такой день, когда я приду, а тебя насовсем не будет, никогда не наступит!

Потому что ты будешь всегда! Никто и никогда, послушай! Никто и никогда не исчезает насовсем, пока...пока... пока он смеется в чьем-то сердце!

Предательский комок в горле заставил Ньюшу всхлипнуть неожиданно громко, отчего Гришка вздрогнул и испуганно отпрянул от нее. Девушка отвернулась, поспешно, по-детски — ладошками — вытерла слезы и посмотрела на него.

— Ойёёоой! Какая ты... — мальчик словно не мог подобрать слова. —
Какая ты! Как...енот!

И тут Гришка засмеялся. Зашелся никем раньше в больнице не слыханным первым звонким хохотом. Рука, которой он держался за жирафа, тряслась, а с ней трялся и жираф, тонко звеня, словно вторя задорному смеху мальчика.

Ничего не понимая, Нюша посмотрела на свое отражение в стекле окна.

Вытирая слезы, она размазала потекшую тушь одинаковыми полосками от глаз куда-то к ушам и действительно походила на отчаянного енота, только что выигравшего схватку с самым хищным зверем.

Открылась дверь игровой, и в проеме появилась старшая медсестра.

Наверное, она хотела что-то спросить, но не успела. Она увидела смешную Нюшу-енота, увидела рядом с ней трясущихся от смеха Гришку и жирафа, и — «Гришка смеется!» — сама залилась счастливым смехом. В коридор высыпали все, кто был в комнате. И смех светлым вихрем пронёсся по всем углам, подхватив и ошарашенную Нюшу.

А Гришка хохотал от души и не мог ни о чем думать.

Все, что ему хотелось, — хохотать и хохотать дальше, так же легко, так же заразительно и громко, и ему было радостно, что с ним смеются и другие дети. И ему теперь было совсем не страшно. Потому что он смеялся в сердце каждого, а они смеялись в его сердце. А это значило, что никто из них отныне никогда уже не исчезнет насовсем...